

Т. Михайлова, М. Живлов
МГУ / РГГУ (Москва)

Václav Blažek.

Indo-European “Smith” and his Divine Colleagues.

Washington, DC: Institute for the Study of Man, 2010. 120 p. ISBN 978-0-9845353-2-3

Вышедшая в приложении к журналу *Journal of Indo-European Studies* (Monograph No. 58) небольшая монография Вацлава Блажека «Индоевропейский кузнец» (*The Indo-European “Smith”*) отличается в первую очередь необычайной четкостью, системностью и сбалансированностью представленного в ней материала. Стоящая в названии тема — объект описания и анализа — «кузнец у индоевропейцев», казалось бы, должна вывести автора на необычайно широкое и практически не ограниченное во времени и культурном пространстве поле. Действительно, как пишет автор, среди представителей древних профессий именно кузнец «является единственным, кто удостоивается положения божества» (a divine position, p. 1), причем, добавим к этому, свою позицию творца-демиурга, хранителя архаического знания и древней магии, кузнец сохраняет уже в народной культуре позднего времени. Тема особого положения кузнеца в пантеоне богов, описание его особой роли — все это поистине неисчерпаемо, объемно и поэтому — неизбежно фрагментарно. Тут можно вспомнить и щит Энея, на котором Вулкан выковал «италийцев и римлян деянья», тем самым воссоздав и иконически зафиксировав будущую судьбу Рима, и заклинание святого Патрика, направленное «против женщин, кузнецов и друидов», и тонкий голос, который **выковал** кузнец злому волку, и давнее право кузнецов французских деревень — заключать брак вместо священника, и многое другое. Но ничего этого в книге В. Блажека нет, и тут, как мы полагаем, автор в своей позиции безусловно прав. Автор не поддался соблазну уклониться в мифопоэтические и фольклорные рассуждения и написал сжатое, чисто лингвистическое исследование, допуская «мифологические экскурсы» лишь тогда, когда речь идет о реконструкции соответствующего теонима (не всегда совпадающего с апеллативом).

Исследование В. Блажека композиционно делится на два раздела. В первом, поделенном на со-

ответствующие и.-е. языковым семьям главы, приводится максимально полный материал, строящийся по одной и той же схеме:

- «базовое» обозначение кузнеца (как правило, имеющего дело с железом), его этимология и семантическая мотивация, генетические связи с другими и.-е. языками;
- дополнительные обозначения кузнеца (как правило, имеющего дело с бронзой, золотокузнеца и проч.) и его этимология;
- анализ употребления соответствующего теонима, краткая характеристика «имиджа» божественного кузнеца и его роли в мифопоэтической системе субэтноса.

Завершается раздел необычайно интересной таблицей-схемой (с. 79–80), в которую автор сводит вместе все свои наблюдения и выделяет восемь групп-«семантем», внутри которых распределяются 50 проанализированных им лексем (о таблице см. ниже).

Второй раздел представляет собой «Внешние сопоставления» (External comparison), в нем рассматривается еще 20 групп языков, на этот раз несколько более поверхностно. Но в обоих случаях автор ставит перед собой одну и ту же задачу: при помощи этимологии собственно лексемы выявить паттерн семантического перехода, лежащий в основе образования соответствующего обозначения. В случае заимствования — мотивировать его.

Как верно отмечает автор, «термин *кузнец* не принадлежит к прото-индоевропейскому языку и вследствие этого *божественный кузнец* был введен в пантеон индоевропейских богов позднее» (p. 1). Это, казалось бы, логично, но на самом деле не очень: обозначение данной профессии, естественно, могло возникнуть лишь после начала обработки металлов, которая датируется уже примерно VI тыс. до н. э. (если не ранее), то есть — еще до распада и.-е. общности (согласно расчетам самого автора — ок. 4670 до н. э., см. Blažek 2007: 85). Более

того, на и.-е. уровне реконструируется само название металла, **h₂ei-es-* (IEW — **aios*) которое предположительно вначале обозначало медь/бронзу, но в ряде диалектов (индо-иранских и германских) было перенесено на обозначение железа или золота (см. Mallory, Adams 2006: 241; Mallory, Adams 1997: 379). Таким образом, наличие общеиндоевропейского обозначения металла при отсутствии реконструируемой общей лексемы, обозначающей того, кто обрабатывает металл, представляет собой своего рода парадокс. Данный парадокс получил в свое время довольно сложное объяснение: «Такое явление может легко объясняться особой значимостью ‘кузнецов’ и ‘кузнечного дела’ в индоевропейскую эпоху и мотивированным этой значимостью табуированием в диалектных группах целого ряда общих терминов кузнечного ремесла и заменой их другими образованиями» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 715). Мы полагаем, что объяснение может быть еще более простым: кузнечное дело как таковое возникает лишь после освоения горячейковки металла, которое датируется уже более поздним периодом (IV—III тыс. до н. э.), причем его распространение (из Ближнего Востока в Европу) не было непосредственно связано с миграциями и.-е. племен. Поэтому носители разных диалектов, осваивая различные методики обработки бронзы, а затем и железа, неизбежно должны были давать самому процессу и его агенту новые названия, взятые из уже имеющегося лексического инструментария. Характерно, что обозначение собственно железа на и.-е. уровне не реконструируется.

Для нашего автора здесь вообще нет проблемы и, как мы понимаем, для него кузнец — это в первую очередь тот, кто куёт железо. Поэтому анализируемая В. Блажеком лексема неизбежно оказывается производной, и ее этимология в каждом конкретном случае должна опираться на некий логически обоснованный семантический перенос, причем, как предполагал автор уже заранее и как показал он на тщательно разработанной им схеме, подобных переносов оказывается не так уж много, по крайней мере — значительно меньше, чем исследованных им групп языков. Таким образом, изучение обозначений «кузнеца» вписывается в модное сейчас направление «универсалии семантических переходов» (см., например, Zaluzniak 2008; Zaluzniak et al. 2012). Мы почему-то думаем, что сам В. Блажек об этом даже не подозревает, во всяком случае, он об этом ничего не пишет и указанного словосочетания не употребляет. Но тем лучше: проделанный им суммарный анализ, таким образом, оказывается невольным подтверждением

правомерности данного подхода для глубоких языковых реконструкций.

Нам представляется целесообразным для большей наглядности привести суммарную таблицу автора полностью (см. рис.), однако она, несомненно, нуждается в некоторых пояснениях и, как нам кажется, коррективах. Так, выделенное им в отдельный семантический этимон понятие «делающий огонь», как нам кажется, неверно иллюстрируется как др.-инд. данными, так и латинскими, поскольку в тексте самой работы для них в первую очередь постулируется значение ‘умелец’. Их уместнее было бы перенести в третий столбец (worker). При этом обозначение греческого Гефеста как производного от ἀφί ‘светить, зажигать’ представляется скорее убедительным. Осетинский кузнец (15.1), по данным самого же Блажека, восходит скорее к названию угля, причем приведенная им др.-исл. параллель — *hyrr* имеет также исходную семантику ‘тлеющие угли’ и значение ‘огонь’ для нее вторично (ср. готск. *hauri* ‘уголь’, см. IEW: 571—72 — **ker(a)-*). Семантический переход уголь — кузнец представляется логичным, однако при этом необходимо было бы ввести еще одну «семантему». В том же, что касается соотношения латинского теонима *Volcānus* с др.-инд. *ulká* ‘огонь, падающий с неба, метеорит’ (предложенного еще Шлегелем, см. р. 43), то может быть здесь уместно было бы вспомнить, что обработка металла человеком начиналась именно с использования метеоритной руды для изготовления орудий. В то же время попытка автора включить в этот этимон др.-ирл. имя *Olc* (ср. огамич. *ULCAGNI*) разумной не представляется, оно вообще возводится к одному из обозначений волка — «злой» (см. Королев 1984: 193, IEW 1178). Сомнительным кажется и привлечение сюда же германских теонимов **Wel-/Wal-* (Велунд и проч., см. de Vries 1962: 674 с указанием на неясность этимологии), видимо, не стоило автору здесь слишком доверять реконструкции Т. В. Топоровой (см. Топорова 1989), которая в 1984 г. возводила этот же теоним к ОГ основе с общим значением ‘лес’, допуская и связь с и.-е. обозначением ‘волка’ (см. Топорова 1984: 99).

Балтийские имена божественного кузнеца (*Wutris* etc, 45.4—45.6) автор соотносит с одним из и.-е. обозначений огня **ātr-* и его выводы предстают убедительными (ср. *vampa* и проч.). Однако и здесь, как нам кажется, исходной семантикой является скорее ‘очаг, уголь’ (ср. обозначения огня в романских языках, восходящие к лат. *focus* ‘очаг’), и таким образом сами приведенные в книге этимологические выкладки приводят к фигуре не божест-

word / name	fire-maker, solar or meteoric	metal-(leaf)-maker	worker	various professions	master	skilful / wise	striker	hammer-striker
<i>karmāra-</i>	1.2.		1.1., 1.3.			1.4.		
<i>ṛbhú-</i>				?2.				
<i>loha-kāra-</i>		3.						
<i>cīmara-kāra-</i>		4.						
<i>dhamaka- ṭhākur</i>				blower 5.				
<i>Kāvṛyá-</i>					6.			
<i>Viśva-karman-</i>			all-maker 9.			7b.		
<i>bhārika-</i>				carrier 10.				
<i>sraṇēkarē & āhangar</i>		11.						
<i>*śajṛpá-</i>				melter 12.				
<i>wustō(ō)</i>					13.			
<i>kurd/kʷyrd</i>	15.1.							15.2.
<i>Wærgon</i>	16.1.					16.2.		
<i>Kāwe</i>						17.		
<i>Hōšang</i>						?18.		
<i>darbin</i>	*19.3.		19.2.			19.1.		
<i>warpi-</i>						23.		
<i>χαλκεύς</i>		24.						
<i>χαλκο-τέχνης</i>		24.b.						
<i>*χαλκο-φοργός</i>		24.c.						
<i>*σιδᾶρέύς</i>		24.a.						
<i>*σιδᾶρεο-τέκτον</i>		24.b.		carpenter 24.b.				
<i>*σιδᾶρο-φοργός</i>		24.c.						
<i>πετολωτής</i>		24.d.						
<i>Ἡφαιστος</i>	25.1.							
<i>faber</i>	28.3.		28.2.			28.1.		
<i>aerārius</i>		28.a.						
<i>ferrārius</i>		28.a.						
<i>Volcānus</i>	29.1.		29.2.					
<i>*gobent-(n-)</i>	30.1.					30.2.		
<i>cerd</i>						31		
<i>*Gobniōn / *Gobannonos</i>	30.1.					30.2.		
<i>Crédne</i>		33.2.	33.1.			33.1.		
<i>Olc Aiche</i>	*34.2.							
<i>*Kolḗonos</i>							35.	
<i>Dolb</i>			+36.					
<i>Lug</i>	37.1.							
<i>*smiḃ-an/az</i>								39.1.
<i>*Walundaz / *Wēlu/andaz</i>	40.2.		+40.1.					
<i>Reginn</i>						+41.		
<i>Mimir</i>						42.		
<i>*kal(e)vis</i>							43a.	
<i>*kalējas</i>							43b.	
<i>žydzius</i>	?44							
<i>wutris</i>	?45.4., 45.5., 45.6.		*45.7.	?blower 45.2.			745.3.	
<i>Teljavelʹ</i>			*46.5.					
<i>*kov-ačb / -alb / -arb</i>							47.	
<i>*kuznʹčb/-ikb</i>								
<i>*votrʹb</i>	?45.4., 45.5., 45.6.	iron-shield-maker? 48		?blower 45.2.			745.3.	
<i>*kʷrčijb</i>		*49.						
<i>Svarogb</i>	50.							

* Borrowing; + Magician.

венного «делателя огня», но того, кто «использует жар углей», что предстает вполне логичным. Впрочем, абсолютной уверенности в этом у нас нет.

Схема в целом, как и дальнейшее стремление В. Блажека уже посредством привлечения не-индоевропейских языков вывести несколько базовых понятий, давших обозначения кузнеца (см. таблицу, а также — р. 96 — ‘тот, кто ударяет’, ‘мастер’, ‘мудрец’, ‘создатель’ и проч.) кажется безусловно перспективным, однако не со всеми его этимологиями, наверное, можно согласиться, что, как пытались мы показать выше, может изменить содержание схемы, но не меняет лежащего в основе самого принципа классификации материала.

Возможно, у нашего соавтора найдется еще ряд конкретных замечаний, оставим их ему. Мы же позволим себе остановиться лишь на одном: все-таки мы не можем не усомниться в правомерности стремления В. Блажека непременно увязать в один этимологический «пучок» литовскую Габью, галльских *gobedbi* («кузнецами»), др.-ирл. *Goibniu* (теоним), лат. *faber*, а также *habeo* ‘имею’. Данная идея в более полной форме была сформулирована им еще в (Blažek 2006), причем автор любезно предложил нам ознакомиться с его текстом еще в июне 2005 г. и мы уже в (Михайлова 2007) высказывали свои критические замечания по этому поводу. В его работе высказывается предположение о соотношении ирландского бога-кузнеца *Goibniu* с литовской Габией, персонификацией огня и домашнего очага. В то же время само кельтское божество, кодируемое основой *Gob-*, он предлагает изначально трактовать не столько как собственно кузнеца, сколько как воплощение мастерства в широком смысле слова (аналогичного мнения, кстати, в свое время придерживался и Т. О’Рахилли, см. O’Rahilly 1946: 314–15). В. Блажек находит подтверждение своей идеи в тексте древнеирландского заговора, сохранившегося в кодексе Санкт-Галленского монастыря: заклинание против “колючки” называется там *fiss Goibnen* — «знание Гойбниу», из чего автор делает заключение, что божество Гойбниу имело также статус лекаря. В. П. Калыгин также отмечал полифункциональность бога Гойбниу, который, в частности «на празднике Племен Богини Дану (*fled Goibnenn*) готовит пиво, дающее бессмертие и вечную молодость» (Калыгин 2006: 92).

Мы в свою очередь могли бы добавить параллель с другим персонажем ирландской традиции — плотником по имени *Gobbán*, также обладающим несомненными магическими способностями и приобщенным к тайному знанию. В стихотворении VIII в. описывается «маленькая келья» Безумного

Суибне, о которой говорится — *Gobbán du-rigni sin* — ‘Гобан это сделал’, а имя Гоббан предположительно трактуется как «Творец» (келья при этом символически означает весь мир, см. Murphy 1956: 224). Семантическая связь «кузнец — творец» в данном случае представляется нам вторичной, хотя и укладывается в схему Блажека (ср. в данном случае известную русскую поговорку *Человек — кузнец своей счастья*, а также приведенное в книге (р. 58) описание Одина-демиурга как того, кто *smíðaði himin ok jörð* ‘сотворил (букв.: выковал) небо и землю’.

В качестве этимона кельтского обозначения кузнеца в свое время выдвигалось несколько разных «кандидатур» (см. обзор в Matasović 2009: 166), кроме того, ряд исследователей (К. Штюбер, В. П. Калыгин) склоняются к идее, что не имеющее параллелей за пределами кельтского региона слово и не имеет и.-е. реконструкции, а следовательно может квалифицироваться как до и.-е. заимствование (см. Stüber 1998: 172). В то же время, естественно, выдвигался ряд других предположений, из которых нам наиболее логичным и простым кажется предложенная П. Де Бернардо Штемпель и.-е. основа **g^heuib-* ‘гнуть, давить’ (см. de Bernardo Stempel 1994, см. также Delamarre 2003: 182). Но надо признать, что соотношение ОК лексемы с лат. *faber* было предложено еще в (Mac Bain 1911: 200), что предполагает отказ от традиционной этимологии *faber* (IEW 233, согласно которой *f* < **dh*) и выведение обеих форм к аналауту **g^{hw}/g^hw-* (ср. приведенное им аналогичное развитие: др.-ирл. *gor* ‘тепло, жар’ ~ *formus* ‘то же’ < **g^{hw}er* ‘жечь’, IEW 493). В. Блажек предлагает в качестве изначального этимона реконструируемую им и.-е. основу **g^{hw}/g^hwob-* (у Покорного не выделенную), семантика которой не совсем ясна. Судьба звонкого придыхательного в кельтском действительно проблематична и такая реконструкция фонетически возможна, но не ясно при этом, почему указанные лексемы относятся к группе «делающий огонь». Вернее ясно: потому что автор непременно хочет соотнести их с литовской Габией, покровительницей домашнего очага, а это выглядит уже более сомнительно. В словаре К. Буга имя литовского божества Габии (не только богини домашнего очага, но и «охранительницы овина») возводится к и.-е. основе **gab-* с общим значением ‘покрывать, окутывать, хранить’ (Būga 1958: 210). В то же время полифункциональность сакрализованных продолжений, кодируемых общекельтским **gab-/gob-* основ, отмечалась В. Н. Топоровым, который видел и в имени литовской богини Габии, и в многочисленных прусских и литовских гидронимах с этим же (?) корнем один

глубинный концепт: «корнем *gab-* кодировались понятия воды и огня (во-первых) и мифологического персонажа (в частности женского рода), претендующего на то, чтобы в реконструкции быть женой Громовержца (во-вторых)» (Топоров 1979: 124). Однако богиня Габия предстает не как символ разрушительной силы огня, которую следует как-то умиловить, но скорее как помощница и покровительница: «К ней обращаются с молитвами о благополучии в доме и хорошем урожае, ее просят благословить хозяйство, охранить дом от пожара, задержаться на месте, не расширяться, зажечь свечу и т. п.» (Завьялова 1998: 374). Таким образом, сопоставление не кажется убедительным семантически, и кроме того — никак не реализуется в собственно балтийских обозначениях кузнеца, хотя фонетически, как вынуждены мы признать, соответствие лат. *f-* ~ лит. *g-*, кельтск. *g-* фиксируется, например: *filum* ‘нить’ ~ *gýsla* ‘жила’ (**g^{hw}islo-*) при валл. *gïeu* ‘нервы, жилы’ (последняя параллель приводится в Schrijver 1995: 286 как ненадежная). Резюмируя наши придирки, скажем, что посоветовали бы В. Блажеку латинского кузнеца отнести в группу «умелец, демиург», кельтского — «тот, кто бьет и гнет», а литовскую Габью вообще оставить в стороне. Важно, что наше несогласие с конкретной этимологией не нарушает самой предложенной в монографии методологии работы с материалом.

T. M.

Мы хотели бы ограничиться рассмотрением одной из предложенных В. Блажеком этимологий — этимологии прафинно-саамского **šep̄p̄ä* (> праприбалтийско-финское **sepp̄ä*, прасаамское **š̄ēpp̄ē*). Традиционно это финно-саамское слово, рефлекс которого в прибалтийско-финских языках имеет значение ‘кузнец’, считается родственным венгерскому *szép* ‘красивый’. Соответственно, восстанавливается прафинно-угорская форма **šep̄p̄ä* ‘искусный, умелый’ (UEW: 474–475; Sammallahti 1988: 548). В. Блажек предлагает подвергнуть пересмотру этимологизацию этой группы слов (pp. 12–18). По его мнению, сравнение финно-саамского слова с венгерским проблематично с семантической точки зрения. Кроме того, венгерское слово рассматривается им как булгаризм. Для финно-саамского же слова Блажек предлагает две альтернативные иранские этимологии.

Прежде всего, нам представляется, что автор слишком поспешно восстанавливает для прафинно-саамского слова значение ‘кузнец’. В саамских языках рефлекс **š̄ēpp̄ē* имеют значение ‘искусный, умелый; мастер, умелец (в чём-либо)’, ср. норвеж-

ско-саамское *šeahppi* ‘geschickt, gewandt, gut (z.B. in der Schule), talentiert, anstellig, gewitzt, kunstfertig’, в качестве существительного ‘Meister, Virtuose’ (Sammallahti & Nickel 2006: 138), инари-саамское *šep̄pi* ‘geschickt, fähig’, в качестве существительного ‘Tischler’ (IW I: 81), кильдинское саамское *čēnec̄* ‘умелый, искусный (в каком-л. деле)’, *čēh̄n̄* ‘мастер, умелец (в каком-л. деле)’ (Куруч 1985: 389). Значение ‘кузнец’ выражается в саамских языках другими словами (у В. Блажека они не рассматриваются), например, норвежско-саамское *rávdi* ‘Schmied’ (Sammallahti & Nickel 2006: 583), инари-саамское *rävde* ~ *revde* ‘Schmied’ (IW III: 21) — эти слова заимствованы из фин. *rautio* ‘кузнец’.

В прибалтийско-финской ветви рефлекс **sepp̄ä* (фин. *seppä*, эст. *sepp* и др.) действительно означают ‘кузнец’, однако такие финские композиты, как *puuseppä* ‘столяр’, *levyseppä* ‘жестянщик’, указывают на первоначально более широкое значение праприбалтийско-финского **sepp̄ä*. Это предположение подтверждается и эстонским, где *-sepp* как второй компонент композитов практически превратился в продуктивный суффикс, образующий название профессий: *aamisepp* ‘бондарь’, *katelsepp* ‘котельщик’, *kellasepp* ‘часовщик’, *kübarsepp* ‘шляпный мастер’, *laudsepp* ‘столяр’, *lukksepp* ‘слесарь’, *müürsepp* ‘каменщик’, *naelasepp* ‘твоздарь’, *nõelasepp* ‘игольщик’, *pottsepp* ‘гончар’, *puusepp* ‘плотник’, *püttsepp* ‘бондарь’, *ratasepp* ‘колесник’, *sadulsepp* ‘шорник’, *töldsepp* ‘каретник’, *tündersepp* ‘бочар’. Сценарий, при котором для прафинно-саамского слова следует реконструировать значение ‘искусный, умелый; мастер, умелец (в чём-либо)’ представляется нам более правдоподобным. Конкретизация значения в прибалтийско-финском (> ‘кузнец’) находит интересную параллель в инари-саамском языке, где *šep̄pi* приобрело значение ‘столяр’ (см. выше). Если считать первичным адъективное значение ‘искусный, умелый’, сравнение с венгерским *szép* ‘красивый’ выглядит уже не столь проблематичным (ср. (UEW: 474), где среди прочих семантических параллелей приводится венг. *ügyes* ‘geschickt’, (диал.) ‘hübsch, nett, fesch’).

Обратимся к этимологии венгерского слова. В. Блажек полагает, что оно заимствовано из тюркского языка болгарского типа и что источник заимствования сохранился в чувашском *šer* ‘красивый, хороший, изящный; красиво’. В качестве доказательства исконного тюркского происхождения чувашского слова Блажек, следуя за словарём (Егоров 1964: 337), приводит татарское *šar* ‘ширко, быстро; замечательно’, мишарское *šer* ‘хорошо’ и алтайское *sep* ‘украшение’.

Данное построение представляется маловероятным по ряду причин. Прежде всего болгарское *š* (результат палатализации пратюркского **s* перед **i*, **i* и дифтонгом **ia*) даёт при заимствовании в венгерский *s* [š] (Дыбо 2007: 47), в то время как венгерское *sz* [s] отражает болгарское *s*, ср. венг. *serte* ‘щетина’ ~ чув. *švrt* < пратюрк. **sirt*, венг. *sárga* ‘жёлтый’ ~ чув. *šorǔ* ‘белый’ < пратюрк. **siarig*, венг. *szál* ‘плот’ ~ чув. *solǔ* < пратюрк. **sāl*. Далее, само чувашское слово едва ли может рассматриваться как унаследованное из пратюркского, так как чувашское *š*, как сказано выше, является результатом палатализации **s* перед **i*, **i* и **ia*, а ни одна из этих фонем не дала бы чувашского *e*. Приведённые Блажеком татарское и мишарское слова, судя по невозможному для исконной лексики анлаутному *š-*, заимствованы из чувашского. Алтайское *sep* имеет значение ‘приданое (одежда, украшения, утварь, но не скот)’ и восходит к пратюркскому **sep* ‘прибавка’ (ЭСТЯ 2003: 255—256).

Вполне убедительное, на наш взгляд, традиционное сравнение финно-саамского слова с венгерским предполагает вторичность семантики ‘кузнец’, возникшей только в прибалтийско-финском. Уже поэтому попытка вывести финно-угорское (или, по мысли Блажека, финно-саамское, слово) **šepǔä* из гипотетических иранских форм со значением ‘кузнец’ представляется нам неубедительной. Таких форм Блажек предлагает сразу две: 1) доиранское *nomen agentis* **šaipǔa-* ‘Schmelzer’, не оставившее непосредственных потомков, но соотносящееся с *nomen actionis* **šáipǔa-* ‘Schmelze’ (> мл. авест. *saēpa-* ‘Schweissen, Schmelzen (von Metallen)’ по индоевропейской словообразовательной модели *tomós* ~ *tómós*; 2) незасвидетельствованное (пара)авестийское обозначение кузнеца **safna-kara-* ‘iron-maker’.

Ошибочность второй версии очевидна, т. к., как указывает сам автор, авестийское **safna-* ‘железо’ (ср. *hao-safnaēna-* ‘of steel’) восходит к праиранскому **šupana-* и является результатом нерегулярной метатезы — ожидалось бы **srapana-*. Для того, чтобы получить финно-саамское **šepǔä*, мы должны предположить наличие химерической формы, соединяющей в себе авестийские (метатеза) и восточноиранские (предшествовавший метатезе переход **š* > **sp*) инновации с раннеиранскими (сохранение **š*) и индоиранскими (**e* на месте позднейшего **a*) архаизмами.

Первая версия несколько лучше, но и у неё есть существенный недостаток — невозможность обосновать переход **ai* > **e* в первом слоге ни на праиранской, ни на финно-угорской почве.

Тот факт, что В. Блажеку удалось предложить сразу два возможных иранских этимона для финно-угорского слова, говорит, на наш взгляд, о слишком большой объяснительной силе подобных этимологических построений.

Безусловно, наши замечания, касающиеся данной этимологии, не умаляют достоинств крайне интересной книги В. Блажека, где собран и проинтерпретирован обширный материал по обозначениям ‘кузнеца’ в языках Евразии, представляющий исключительный интерес не только для лингвистов, но и для археологов и историков культуры.

М. Ж.

Литература

- ГАМКРЕЛИДЗЕ, Т. В., ИВАНОВ, Вяч. Вс. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси. [GAMKRELIDZE, T. V., IVANOV, Vyach. Vs. 1984. *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy*. Tbilisi.]
- ДЫБО, А. В. 2007. *Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период*. М. [DYBO, A. V. 2007. *Lingvističeskie kontakty rannikh tyurkov: leksičeskij fond: pratyurkskij period*. М.]
- ЕГОРОВ, В. Г. 1964. *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары. [EGOROV, V. G. 1964. *Etimologičeskij slovar' chuvashskogo jazyka*. Cheboksary.]
- ЗАВЬЯЛОВА, М. В. 1998. Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах // *Балто-славянские исследования 1997*. М. [ZAV'YALOVA, M. V. 1998. *Semantičeskoe pole «ogon'» v russkikh i litovskikh zagovorakh // Balto-slavyanskije issledovaniya 1997*. М.]
- КАЛЫГИН, В. П. 2006. *Этимологический словарь кельтских теонимов*. М. [KALYGIN, V. P. 2006. *Etimologičeskij slovar' kel'tskikh teonimov*. М.]
- КОРОЛЕВ, А. А. 1984. *Древнейшие памятники ирландского языка*. М. [KOROLEV, A. A. 1984. *Drevnejšie pamjatniki irland-skogo jazyka*. М.]
- КУРУЧ, Р. Д. (ред.) 1985. *Саамско-русский словарь*. М. [KURUCH, R. D. (red.) 1985. *Saamsko-russkij slovar'*. М.]
- МИХАЙЛОВА, Т. А. 2007. К вопросу о падежном синкретизме в континентальном кельтском: галльское *gobedbi* // ВЯ, №4. [MIKHAJLOVA, T. A. 2007. *K voprosu o padezhnom sinkretizime v kontinental'nom kel'tskom: gall'skoe gobedbi // VYa, №4*.]
- ТОПОРОВ, В. Н. 1979. *Прусский язык. Словарь: Е – Н*. М. [TOPOROV, V. N. 1979. *Prusskij jazyk. Slovar': E – N*. М.]
- ТОПОРОВА, Т. В. 1984. *Семантическая структура древнегерманской модели мира*. М. [TOPOROVA, T. V. 1984. *Semantičeskaja struktura drevnegermanskoj modeli mira*. М.]
- ТОПОРОВА, Т. В. 1989. Язык и миф: герм. **Walundaz*, **Welundaz* // *Известия академии наук СССР: Серия литературы и языка*, 48—5. [TOPOROVA, T. V. 1989. *Jazyk i mif: germ. *Walundaz, *Welundaz // Izvestiya akademii nauk SSSR: Seriya literatury i jazyka*, 48—5.]
- ЭСТЯ 2003 – *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С»*. М. [Etimologičeskij slovar' tyurkskikh jazykov:

- Obschetyrskkie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S». M.]*
- BLAŽEK, V. 2007. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages // *JIES*, vol. 35, No. 1–2.
- BLAŽEK, V. 2006. Celtic “smith” and his colleagues // *Evidence and Counter-evidence: Festschrift for F. Kortland*, vol. 1. Amsterdam-New York.
- BŪGA, K. 1958. *Rinktiniai raštai*. T. 1. Vilnius.
- DE BERNARDO STEMPEL, P. 1994. Zum gallischen Akzent: eine sprachinterne Betrachtung // *ZCP*, 44.
- DE VRIES, J. 1962. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden.
- DELAMARRE, X. 2003. *Dictionnaire de la langue gauloise*, Paris.
- IW — ITKONEN, E. 1986–1991. *Inarilappisches Wörterbuch*. Bd. 1–4. (LSFU XX). Helsinki.
- MAC BAIN, A. 1911. *An etymological dictionary of the Goidelic language*, Edinburgh.
- MALLORY, J. P., ADAMS, D. Q. 1997. *Encyclopedia of Indo-European Culture*, London.
- MALLORY, J. P., ADAMS, D. Q. 2006. *The Oxford Introduction to the Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford.
- MATASOVIĆ, R. 2009. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden.
- MURPHY, G. 1956. *Early Irish Lyrics*. Ed. with translation, notes and glossary. Oxford.
- O’RAHILLY, T. F. 1946. *Early Irish History and Mythology*. Dublin.
- SAMMALLAHTI, P. 1988. Historical phonology of the Uralic languages // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 478–554.
- SAMMALLAHTI, P. & NICKEL, K. P. 2006. *Sámi-duiskka sátnegirji. Saamisch-deutsches Wörterbuch*. Karasjok.
- SCHRIJVER, P. 1995. *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam.
- STÜBER, K. 1998. *The Historical Morphology of N-stems in Celtic*. Maynooth.
- UEW — RÉDEI, K. 1986–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. Budapest.
- ZALIZNIAK, ANNA A. 2008. A Catalogue of Semantic Shifts: towards a Typology of Semantic Derivation // M. VANHOVE (ed.). *From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam.
- ZALIZNIAK, ANNA A., BULAKH M., GANENKOV D., GRUNTOV I., MAISAK T., RUSSO M. 2012. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*. Vol. 50/3, 50–3.

